

Организация и деятельность чрезвычайных учреждений в Крыму в 1921 году в условиях геополитической напряжённости

Андрей В. Ишин

Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,

a.ischin@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются политические институты, процессы, технологии, свойственные периоду становления в Крыму Советской власти после завершения широкомасштабной Гражданской войны. Феномен Гражданской войны, с точки зрения автора, выражался в непримиримой борьбе между возникшими на развалинах империи центрами силы, при этом важную роль играл собственно геополитический фактор. В статье отмечается, что в Крыму в 1921 году активно работали эмиссары британской и германской разведок, то есть тех сил, которые ранее приложили немалые усилия для свержения монархии и развязывания Гражданской войны на пространных территории Российской империи. Образование Крымской АССР в составе Советской России осенью 1921 года, а также создание нового мощного государства СССР со своим социальным проектом в декабре 1922 года отнюдь не входило в их планы. Поэтому западные оппоненты максимально пытались использовать инерцию Гражданской войны для дестабилизации одного из ключевых регионов РСФСР. В сложившихся условиях вполне логичным выступало стремление ряда лидеров антибольшевистского подполья к установлению тесных контактов с противниками Советской власти за рубежом в целях объединения усилий в борьбе с ней, что объективно становилось фактором геополитической напряжённости в Советской Республике в целом, и в Крыму в частности. В условиях нагнетания конфликтности в Крыму формируется система чрезвычайных учреждений. В указанную систему входил Крымский революционный комитет и его органы на местах, учреждения Всероссийской чрезвычайной комиссии, Части особого назначения, революционные трибуналы под общим идеологическим руководством партийных органов. Автор приходит к заключению, что чрезвычайные учреждения объективно противодействовали реализации проектов западных держав по дестабилизации ситуации в Крыму, способствовали известной этнополитической стабилизации обстановки в регионе. С другой стороны, их деятельности был присущ классовый подход, что приводило к необдуманной репрессивной политике и неизбежным «перегибам» в работе, усугублявшимся слабой координацией действий и отсутствием жёсткого контроля на первом этапе.

Ключевые слова: инерция Гражданской войны, геополитическая напряжённость, центры силы, чрезвычайные учреждения, национальный вопрос

Для цитирования: Ишин А.В. Организация и деятельность чрезвычайных учреждений в Крыму в 1921 году в условиях геополитической напряжённости. *Проблемы постсоветского пространства.* 2024;11(1):83–96. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-83-96>

Поступила 15.01.2024

Принята в печать 23.02.2024

Опубликована 30.03.2024

Organization and activities of emergency institutions in Crimea in 1921 in conditions of geopolitical tension

Andrey V. Ishin

*Institute “Tavricheskaya academy”, Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia,*

a.ischin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the political institutions, processes, technologies characteristic of the period of formation of Soviet power in Crimea after the end of the large-scale Civil War. The phenomenon of the Civil War, from the author’s point of view, was expressed in an irreconcilable struggle between the centers of power that emerged from the ruins of the empire, with the geopolitical factor itself playing an important role. The article notes that in Crimea in 1921, emissaries of British and German intelligence services were actively working, that is, those forces that had previously made considerable efforts to overthrow the monarchy and unleash a Civil War in the Russian Empire. The formation of the Crimean ASSR as part of Soviet Russia in the fall of 1921, as well as the creation of a new powerful state of the USSR with its own social project in December 1922, was not at all part of their plans. Therefore, Western opponents tried as much as possible to use the inertia of the Civil War to destabilize one of the key regions of the RSFSR. Under the current conditions, it was quite logical that a number of leaders of the anti-bolshevik underground wanted to establish close contacts with opponents of Soviet power abroad in order to combine efforts in the fight against it, which objectively became a factor of geopolitical tension in the Soviet Republic in general, and in Crimea in particular. In conditions of increasing conflict in Crimea, a system of emergency institutions is being formed. This system included the Crimean Revolutionary Committee and its local bodies, the establishment of the All-Russian Extraordinary Commission, Special Purpose Units, and revolutionary tribunals under the general ideological leadership of party bodies. The author comes to the conclusion that emergency institutions objectively opposed the implementation of projects of Western powers to destabilize the situation in Crimea and contributed to a certain ethnopolitical stabilization of the situation in the region. On the other hand, their activities were characterized by a class approach, which led to thoughtless repressive policies and inevitable “excesses” in their work, aggravated by weak coordination of actions and the lack of strict control at the first stage.

Keywords: inertia of the Civil War, geopolitical tension, centers of power, emergency institutions, national question

For citation: Ishin A.V. Organization and activities of emergency institutions in Crimea in 1921 in conditions of geopolitical tension. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(1):83–96. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-1-83-96>

Received 15.01.2024

Revised 23.02.2024

Published 30.03.2024

ВВЕДЕНИЕ

События Великой Российской революции повлекли фрагментацию пространства бывшей Российской империи. Этот процесс проявился в распаде государственного пространства на ряд самоуправляемых территорий, которые очень скоро вовлекались в орбиту внешних влияний. Собственно, саму Гражданскую войну, продолжавшуюся, по разным оценкам с 1918 по 1920/1922 годы или же с 1917 по 1923 годы, абсолютно неверно понимать как исключительно классовый феномен. Этот миф долгое время тиражировался на страницах учебников. Значительный пласт опубликованных и архивных источников свидетельствует, что, скорее, это была непримиримая борьба между возникшими на развалинах империи центрами силы, при этом важную роль играл собственно геополитический фактор.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИТУАЦИИ В КРЫМУ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ВРАНГЕЛЕВСКИХ ВОЙСК

После ожесточённых боёв на Перекопе и Чонгаре в ноябре 1920 года «Русская армия» генерала Врангеля отступила в крымские порты. 13 ноября без боя был занят Симферополь, 15 ноября — Севастополь. К 17 ноября был взят весь полуостров.

В ходе Гражданской войны в Крыму дважды — в 1918 году (март — апрель)

и в 1919 году (апрель — июнь) создавались «прифронтовые» советские республики, выполнявшие буферную геополитическую роль — Советская Социалистическая Республика Тавриды (в условиях быстрого продвижения по территории страны германцев и украинских гайдамаков) и Крымская Советская Социалистическая Республика (в условиях противостояния Белым силам Юга России и силам Антанты) [1, с. 95–116].

В отличие от относительно коротких периодов 1918 и 1919 годов, в конце 1920-го года становление коммунистической «партийно-советской» системы проходило уже после завершения широкомасштабных военных действий Гражданской войны, и, соответственно, после ликвидации военных фронтов, обусловленной эвакуацией остатков Белых сил, руководимых П.Н. Врангелем.

В условиях становления большевистской модели Советской власти Крым находился в состоянии глубочайшего экономического кризиса. В ноябре 1920 года продукция промышленности сократилась по сравнению с 1913 годом в 4,6 раза [2, с. 8]. Из 420 промышленных и кустарных предприятий работало лишь 270, и то не в полную силу. По сравнению с довоенным уровнем, производительность труда упала в три раза [3, с. 61]. На транспорте царил

разруха. Грузооборот железных дорог сократился в 10 раз, морских портов — более чем в 16 раз [3, с. 61]. Вследствие полного расстройтва финансовой системы большинство денежных знаков стоили дешевле той бумаги, на которой печатались [3, с. 61].

Летом 1921 года в результате засухи в Крыму погибло 42 % посевов, 2/3 крупного рогатого скота, а уцелевшие посевы давали лишь несколько пудов с десятины [3, с. 61]. Вследствие этого уже в августе на полуострове начался голод [4, с. 334], продолжавшийся до лета 1923 года и унесший приблизительно 100 тысяч жизней [4, с. 342], что составляло примерно 15 % населения Крыма на 1921 год. По причине этого бедствия, 60,1 % крестьянских хозяйств остались без скота, приблизительно столько же без сельхозинвентаря, 28,8 % без посева и 29,2 % смогли засеять в 1922 году только по одной десятине [5, с. 12].

Вместе с тем, реализуемая до середины 1921 года новыми властями полуострова военно-коммунистическая политика, массовый террор (в результате которого, по различным оценкам, погибло от 12 до 150 тыс. человек), преследование любого инакомыслия обусловили глубокий политический кризис, повлекли враждебное отношение значительной части крымского населения к большевистской модели Советской власти. Эта враждебность вылилась в повстанческое движение, которое документы партийных, советских и чрезвычайных органов именуют «политическим бандитизмом».

Под «бандами с политической окраской», «зелёными», или «бело-зелёными» подразумевались вооружённые формирования, создаваемые в крымских горах и лесах из избежавших смерти военнопленных армии Врангеля, махновцев, недовольных политикой власти крестьян, жителей городов. Нередко к этим группам

присоединялись чисто уголовные элементы. Зачастую группы «зелёных» возглавлялись белыми офицерами.

Численный состав их формирований был далеко не постоянным. В определённые моменты он мог как существенно увеличиваться, так и уменьшаться. На вооружении «зелёных» находились пулеметы, винтовки, револьверы, бомбы.

Борьба с повстанческими отрядами продолжалась в Крыму до 1923 года включительно, но особую остроту она приобрела весной, в начале лета и осенью 1921 года [6, с. 395–414].

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ

Одна из ключевых тенденций выражалась в стремлении руководства отрядов «зелёных» к установлению тесных связей с антибольшевистским подпольем в городах. Показательной в этом смысле является деятельность «врангелевской организации», действовавшей на побережье Чёрного и Азовского морей. Особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что её подпольная сеть охватила не только Крымский полуостров (Симферополь, Севастополь), но и Бердянск, Геническ, Мелитополь. Организация контролировала боевые «вольные отряды». Ею была установлена связь с заграничным штабом Врангеля. По данным Мелитопольской уездной чрезвычайной комиссии, организация готовила восстание с целью захватить Мелитополь (в момент отсутствия там военного гарнизона) и Бердянск, изолировать Крым, а затем и его взять под свой контроль [1, с. 290–291].

Чрезвычайно важное место в истории антибольшевистского подполья в Крыму занимает подпольная организация Михаила Дионисьева (он же белогвардейский полковник Боженко), выявленная органами

Всероссийской чрезвычайной комиссии в 1921 году в Симферополе и Биюк-Онларском районе [7]. Лидер организации Дионисьев провозгласил себя Временным Правителем России и издал свою программу под названием «Наказ № 1» в форме листовки.

Особую важность, по нашему мнению, имеет в этом «Наказе» двенадцатый пункт, где отрядам «бело-зелёных» дается указание объединиться под началом некоего П.П. Шишкина, которому предписывается вступить в переговоры с П.Н. Врангелем о переброске войск из-за границы. Показательно стремление группы Дионисьева, как и «врангелевской организации на побережье Чёрного и Азовского морей», заручиться поддержкой белой эмиграции и получить серьёзную военную помощь.

Надежды на поддержку из-за границы имели под собой реальную почву. Военные флотилии недавних официальных союзников Белых сил по Гражданской войне продолжали господствовать на Чёрном море. Ими нередко совершались диверсии против торговых судов Советской России. Так, французские миноносцы в январе 1921 года потопили советское судно «Зейнаб». В те дни другой советский корабль был серьёзно повреждён [8, с. 10].

Наряду с этим, важным обстоятельством является сохранение после эвакуации врангелевской армии как боевой единицы [9, с. 94]. По словам одного из председателей Крымской областной чрезвычайной комиссии Ф.Т. Фомина, белая эмиграция «и по численности, и по масштабу своей деятельности <...> была опасна» [10, с. 123]. Сам генерал Врангель отмечал: «С оставлением Крыма я фактически перестал быть Правителем Юга России <...> но идея осталась полностью» [9, с. 93].

Следует заметить, что армия находилась в условиях, далёких от нормальных, и с первых же дней после прибытия в Турцию начала постепенно распадаться. Известный политический деятель России В.В. Шульгин, также оказавшийся в эмиграции, так описывает состояние Добровольческой армии: «Вот я еду в Галлиполи <...> Разбитый город <...> Грязь <...> Среди грязи толчется и топчется толпа рыжих английских шинелей, от одного вида которых щемит. Это наша армия <...> Пробиваюсь сквозь неё. Одни бездельничают, другие таскают дрова. Сквозь толпу движется рота сингалезцев (т. е. сенегальских солдат, карауливших лагерь остатков Добровольческой армии — А.И.) <...> Русская масса смотрит на них без злобы. Раздражение, которое чувствуется, направлено против кого-то другого» [11, с. 798]. Вместе с тем, тот же автор тогда же сказал: «Если Белые ещё не победили, их рано или поздно поведут в бой...» [11, с. 808]. Белое командование не оставляло надежды организовать поход на Советскую Россию.

В военных лагерях проводились штабные игры для офицеров и учения. Рядовые разучивали военные уставы. Время от времени устраивались военные парады, а в феврале 1921 года состоялся смотр войск. К этому времени армия генерала Врангеля включала в себя три корпуса: 1-й армейский, Кубанский и Донской — и составляла около 50 тыс. человек [12, с. 13–14]. Как видно из приведённых цифр, командование Добровольческой армии так же, как и внутрироссийские (в том числе крымские) антибольшевистские организации, не могло не быть заинтересовано в установлении тесных взаимных связей, ведь рассчитывать на успех с таким небольшим количеством бойцов было нереально. Важно отметить, что, даже

несмотря на абсолютное оскудение к лету 1922 года казны врангелевской армии и роспуск в связи с этим армейских гарнизонов, П. Н. Врангель заявил о необходимости сохранения последней под видом общественных объединений и союзов.

Офицерские союзы начали создаваться ещё с весны 1921 года и объединили около 10 тыс. офицеров, а позднее, 1 сентября 1924 года, в Белграде под руководством Врангеля был основан монархический Российский общевоинский союз (РОВС), под наблюдением которого находились практически все солдаты и казаки, оказавшиеся в эмиграции [12, с. 15, 27–28, 44]. Белоэмигрантские воинские объединения и союзы на длительное время стали фактором, серьёзно влиявшим на развитие контрреволюции в Советской России.

Стремление к установлению тесных контактов с противниками Советской власти за рубежом в целях объединения усилий в борьбе с ней является одной из характерных черт антибольшевистского подполья в Советской Республике в целом, и в Крыму в частности. Так, зимой 1920–1921 годов ряд крымских контрреволюционеров, используя морской путь, передавал за границу ценные для западных разведок сведения, а также получал инструкции, касающиеся дальнейших действий, оружие, боеприпасы. После ликвидации группы врангелевского полковника Нефёдкина, скрывавшейся недалеко от Ялты, была обнаружена схема дислокации частей Красной Армии в Крыму и на Кубани, список ответственных работников и переписка с белогвардейской эмиграцией [13, с. 130–131].

Рассматривая политическую ситуацию в Крыму в 1921 году, нужно учитывать, что на полуострове в это время активно работали эмиссары британской и германской разведок [1; 16], то есть тех сил,

которые ранее приложили немалые усилия для свержения монархии и развязывания Гражданской войны на пространстве Российской империи.

В значительной мере именно представители указанных сил детерминировали политические установки ряда организаций антибольшевистского спектра на «крымско-татарский», «русский» и другие формы этнического национализма [14, с. 33–34].

Не вызывает сомнений, что образование Крымской АССР в составе Советской России осенью 1921 года, а также создание нового мощного государства СССР со своим социальным проектом в декабре 1922 года отнюдь не входило в их планы. Поэтому традиционные западные геополитические оппоненты Российского государства максимально пытались использовать инерцию Гражданской войны для дестабилизации одного из ключевых регионов РСФСР.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КРЫМА

В условиях катализации геополитической напряжённости в Крыму формируется система чрезвычайных учреждений. В указанную систему входил Крымский революционный комитет и его органы на местах, учреждения Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), Части особого назначения (ЧОН), революционные трибуналы. Общее идеологическое руководство деятельностью чрезвычайных органов должны были осуществлять партийные комитеты во главе с Областкомом — Крымским областным комитетом РКП(б). Его состав был утверждён Центральным Комитетом партии большевиков 15 ноября 1920 года. Президиум Областкама состоял из пяти членов,

работу партийной организации возглавлял Секретарь. В Севастополе, Керчи, Симферополе, Ялте, Феодосии, Джанкое, Евпатории были созданы уездные партийные комитеты. Перечисленные учреждения в той или иной степени должны были направлять деятельность всех органов, утверждавших вооружённым путем «диктатуру пролетариата» на Крымском полуострове. Так, структуры Всероссийской чрезвычайной комиссии — главного органа борьбы с контрреволюцией — обязаны были держать Областком в курсе своей работы и строго согласовывать всю деятельность с директивными указаниями ЦК РКП(б).

В «Кратком обзоре работы Крымского областного комитета РКП с 22-го ноября по 13-е декабря 1920 года», подписанном Секретарем Областкома Р. Самойловой («Землячкой»), отмечается, что, «исходя из общего политического положения в Крыму, Областком положил в основу своей работы следующее: 1) решительная борьба с остатками контрреволюции, 2) твёрдая линия недопущения меньшевиков и «меньшевиствующих» коммунистов к ответственной работе в Крыму, в виду того разложения, которое вносит меньшевизм в слабо развитые рабочие массы, 3) привлечение рабочих к государственной работе и осторожность по отношению к интеллигенции, сплошь устремившейся в советские учреждения, 4) широкая работа по коммунистическому просвещению масс с приспособлением её к потребностям и условиям жизни нескольких наций, живущих в Крыму, 5) осуществление полного контроля партии над всей советской работой» [1, с. 224].

Как указывают исследователи В.М. Брошеван и А.А. Форманчук, в 1921 году население Крыма составляли представители 59 национальностей (общее

количество 720,5 тыс. человек), «из них русских — 51,5% (371 017 человек), татар — 25,92% (186 175 человек), евреев — 6,86% (49 404 человека), немцев — 5,88% (42 335 человек) и других» [15, с. 35]. Указанное обстоятельство придавало ключевое значение национальному вопросу во внутренней политике.

Партийные организации Крыма в конце 1920-го и на протяжении большей половины 1921 года проводили свою политику через систему уездных, волостных, сельских ревкомов, на вершине которой находился Крымский революционный комитет (Крымревком). Изначально эта структура возглавлялась бывшим наркомом иностранных и военных дел Венгерской Советской Республики (1919 год) Бела Куном — ярким сторонником политики массового террора (позднее заменённым Лидэ и Поляковым). В исторической науке существуют две различные точки зрения в отношении даты образования Крымревкома: 1) 14 ноября и 2) 16 ноября 1920 года [1, с. 227].

Наряду с организацией восстановления экономики, основными задачами Крымревкома являлись «установление революционного порядка» и «искоренение очагов контрреволюции». Этот орган состоял из Председателя, заместителя Председателя и четырёх членов.

В состав Крымревкома вошли представители Реввоенсовета Южного фронта и члены Областного комитета РКП(б). Приказ №1 Крымревкома от 16 ноября 1920 года гласил: «Впредь до избрания рабочими и крестьянами Крыма Советов вся власть на территории Крыма принадлежит Крымскому революционному комитету» [1, с. 227].

Одной из важнейших функций ревкомов был полный учёт людских и материальных ресурсов полуострова. В частности,

ревкомы брали на учёт жителей городов и деревень, жилой и земельный фонд, собственность органов самоуправления «Белых» политических режимов, материальные ценности, оружие, лошадей, оставленных на полуострове военнослужащими Белых сил, имущества бывших помещиков, частные земельные хозяйства, предприятия, запасы топлива, учебные заведения, библиотеки, читальни и книги.

Ревкомы занимались также регистрацией иностранно-подданных, семей бывших офицеров и служащих учреждений Белых правительств, создавали контрольные комиссии для проверки правильности вступления тех или иных лиц на службу в советские учреждения [1, с. 227–229].

Одним из наиболее значительных направлений в работе ревкомов была национализация банков, предприятий, земельных ресурсов. Во время реализации этой, далеко не всегда продуманной политики, нередко страдали представители не только менее зажиточных слоёв населения, но и беднота, что объективно провоцировало широкое социальное недовольство.

В марте 1921 года на Первой Симферопольской уездной конференции РКП(б) выступил заведующий отделом Крымского революционного комитета по делам национальностей М. Султан-Галиев с докладом «Очередные задачи партии в национальном вопросе». В числе этих задач, в частности, упоминалось «организованное массовое вовлечение широких пролетарских слоёв трудящегося коренного населения автономных областей и окраин Советской России в хозяйственное строительство путём массового вовлечения их через профсоюзы в хозяйственно-экономические органы» [15, с. 34]. По сути, уже в этом тезисе очевиден пролог к политике «коренизации», официальным началом которой принято считать XII съезд РКП(б),

состоявшийся в 1923 году, хотя де-факто в Крыму эта политика ощутимо проводилась уже в 1921 году.

Работа среди «нацменьшинств» была для партийно-советских органов в Крыму одной из приоритетных. Уже с конца ноября 1920 года Областком и уездные партийные комитеты повели активную работу по созданию в своих структурах национальных секций. В частности, при Областкоме образуются Мусульманская (с 8 января 1921 г. Татарская), Немецкая, Еврейская, Армянская секции. Структура секций предполагала наличие бюро, ряда отделов, пункта юридической помощи [15, с. 45]. Для координации работы национальных секций в ноябре 1920 года при отделе агитации и пропаганды Областкома был образован подотдел национальных меньшинств, который возглавил присланный из Москвы инструктор подотдела нацменьшинств при отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) О.И. Пальги [15, с. 41].

Национальные секции (а их перечень на уровне уездных партийных комитетов был ещё шире) сыграли важную роль в издании и распространении печатных средств массовой информации на языках национальных групп полуострова, в ликвидации неграмотности, в подготовке национальных кадров. Вместе с тем, на потенциальную ограниченность и даже двойственность указанной политики указывала ещё одна партийная задача, озвученная М. Султан-Галиевым: «Углубление классовой дифференциации и классового расслоения среди городского населения и крестьянства нацменьшинств окраин» [15, с. 35].

18 октября 1921 года главы Совнаркома РСФСР В.И. Ленин и ВЦИК РСФСР М.И. Калинин подписали Постановление об образовании Крымской Автономной Социалистической Советской Республики. В указанном документе, в частности,

отмечалось: «Образовать Автономную Крымскую Социалистическую Советскую Республику, как часть РСФСР, в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского <...> Аппарат государственной власти Автономной Крымской Социал. Советской Республики складывается согласно Конституции РСФСР из местных Советов, Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Кр. ССР <...> Для ведения борьбы с контрреволюцией создается при СНК Кр. ССР Крымчека, починенная непосредственно ВЧК, причём её коллегия формируется Крымским Совнаркомом и утверждается ВЧК <...>» [2, с. 254–256].

В своём становлении на территории Крыма система органов Всероссийской чрезвычайной комиссии прошла длительную и сложную эволюцию. С конца 1920 года функции борьбы с «контрреволюционным подпольем» осуществляли особые отделы 6-й, 4-й армий, Чёрного и Азовского морей [13, с. 130]. Отметим, что именно особые отделы являлись главными проводниками политики массового террора на полуострове. Их деятельность характеризуется высокой степенью бесконтрольности.

Говоря о совокупности особых отделов, необходимо упомянуть об «Особом отделе Крыма» (Особый отдел Крымского революционного комитета). Планировалось, что именно Особый отдел Крыма будет центральным органом при реализации репрессивной политики в Крымском регионе после окончания Гражданской войны. На самом деле, этот орган не являлся вновь образованной структурой, его функции исполнялись армейскими особыми отделами.

Наряду с особыми отделами в Крыму существовали различные Трансчека, Морчека. Каждое из этих учреждений опиралось на приказы своих центров, что неизбежно приводило к трениям между указанными органами, а обособленность от местной власти влекла крупные «перегибы» в работе. Несомненно, что сложившаяся система разрозненных органов ВЧК в Крыму не могла способствовать успешной борьбе с многочисленными проявлениями протестных настроений населения (в условиях кризиса политики военного коммунизма) [6], и уже в конце 1920 года стала очевидна необходимость создания единого руководящего и координирующего учреждения на территории Крыма. С этой целью 9 декабря 1920 года на полуострове создаётся региональный орган ВЧК — Крымская чрезвычайная комиссия (Крымчека) [16, с. 6].

Первым председателем был назначен Каминский, направленный в Крым из Москвы (всего в рассматриваемый нами период на посту председателя Крымской ЧК побывали, сменяя друг друга, шесть руководителей — Каминский, Реденс, Вихман, Смирнов, Фомин, Ротенберг). 21 декабря 1920 года Областным комитетом РКП(б) была утверждена коллегия Крымчека в следующем составе: председатель — Каминский, заведующий секретно-оперативным отделом — Полканов, секретарь — Протопопов, заведующий административным отделом — Погребной и представитель Революционного трибунала — Курган.

Так как первая попытка по созданию Крымской ЧК была не вполне удачной, — центром был послан новый организатор — полномочный представитель ВЧК на территории Крыма С. Реденс, который прибыл на полуостров 19 января 1921 года. Им были образованы в Симферополе,

Севастополе и Керчи самостоятельные городские ЧК с правом вынесения смертных приговоров с подчинением непосредственно полномочному представителю ВЧК, а в Феодосийском, Евпаторийском, Ялтинском уездах — политбюро с правами исключительно ведения следствия. В ряд районов были направлены уполномоченные. Несмотря на одинаковое значение городских ЧК полномочный представитель ВЧК проводил свою работу через аппарат Симферопольской городской ЧК (СГЧК).

18 апреля 1921 года на заседании СГЧК было постановлено ликвидировать в Крыму особые отделы 4-й армии и Чёрного и Азовского морей и реорганизовать СГЧК в Крымскую областную ЧК (КОЧК) с непосредственным подчинением ВЧК, при ней создать Особый отдел. На местах были образованы с правами самостоятельного вынесения смертных приговоров Севастопольская и Керченская ЧК, а в Евпаторийском, Ялтинском, Феодосийском, Джанкойском уездах — уездные ЧК (УЧК) с уменьшенным штатом сотрудников и правом вынесения приговоров, связанных с лишением свободы на срок до двух лет и смертных приговоров с обязательным утверждением их в КОЧК.

В начале сентября 1921 года в Симферополе была созвана конференция председателей ЧК и начальников пограничных особых отделов, на которой было постановлено влить последние в местные ЧК на правах отделений секретно-оперативных отделов. Таким образом, в Крыму завершилось становление единой системы органов ЧК. После образования Крымской АССР (18 октября 1921 года) Крымская областная чрезвычайная комиссия стала именоваться Крымской чрезвычайной комиссией (КЧК) [1, с. 306–308].

В первые месяцы после установления Советской власти на полуострове (ноябрь 1920 года — март 1921 года) очень активно использовались и даже доминировали такие «методы», как массовое истребление потенциальных «классовых врагов» (жертвы исчислялись десятками тысяч человек, серьёзно пострадали все основные национальные группы региона), повальные обыски, аресты, облавы: тюрьмы наполнялись подозреваемыми.

8 января 1921 года был издан «Приказ ВЧК о карательной политике органов ЧК». В нем, в частности, говорилось: «Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе, беспартийных офицеров или лиц правозэсеровского, махновского или тому подобного толка, нужно держать на учёте, выяснить, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план, — наполнять же <...> тюрьмы арестованными по подозрению — нельзя» [17, с. 417–418].

После выхода данного приказа всё шире стали применяться такие приёмы работы, как осведомление, взятие на учёт и проверка подозрительных лиц. Можно констатировать, что вышеуказанный приказ ВЧК дал определённый толчок к укреплению законности в деятельности ЧК в Крыму. Так, если первоначально судебные функции осуществлялись коллегией (тройкой ЧК) в составе председателя, секретаря и начальника секретно-оперативного отдела, то затем в коллегию вводились представители Областного комитета РКП(б), Ревкома и юридического отдела исполкома.

В начале 1922 года Крымская ЧК была реорганизована в Крымское политическое управление (КПУ) при ЦИК Крымской АССР.

Во многом чрезвычайный характер носила деятельность и Частей

особого назначения (ЧОН), действовавших в Крыму в 1921–1924 годах. Анализ источников и историографии свидетельствует, что функции ЧОН, сформированных в Крыму 17 июня 1921 года, заключались в вооружённом пресечении действий многочисленных отрядов антибольшевистской направленности, осуществлении разведки, караульной службе на важных объектах и, кроме того, содействию продовольственным органам [14, с. 31].

Структуры ЧОН в Крыму прошли долгий путь развития и трансформаций — от Коммунистического полка особого назначения до Частей особого назначения Крымской АССР, которые включали в свой состав пять отдельных батальонов, четыре роты и артиллерийскую батарею [14, с. 32].

Анализ принципов боевого использования ЧОН свидетельствует, что привлекать их к боевым действиям можно было только с разрешения соответствующего партийного органа. При этом силы ЧОН применялись лишь при решении наиболее сложных и серьёзных задач по защите «революционного порядка» [18, с. 24].

В системе военно-революционных органов Крыма ЧОН тесно взаимодействовали с органами ВЧК, подразделениями Красной Армии и милиции. Деятельность этих структур в 1921 году координировалась Совещанием по борьбе с бандитизмом, а в 1922 году — Чрезвычайной тройкой по борьбе с бандитизмом, действовавших под общим руководством Областного комитета РКП(б) [1, с. 230–232].

С момента занятия Крымского полуострова Красной Армией при её частях начали действовать революционные трибуналы. В соответствии с «Основным положением о революционных трибуналах», они учреждались «в целях объединения деятельности органов по борьбе с преступными деяниями, направленными против

рабоче-крестьянской власти и устанавливаемых революцией порядков» [19].

29 марта 1921 года вышел приказ Крымского революционного комитета об организации Крымского областного революционного трибунала [20, с. 49]. В его состав вошли Порецкий (председатель), Африканец и Бирзгал [21]. 1 августа 1921 года перечисленные ревтрибуналы были заменены Единым революционным трибуналом Крыма (ЕРТК) в составе четырёх судебных отделений: военного, основного, налогового и выездного [1, с. 345].

Ведению ЕРТК подлежали дела «о контрреволюционных деяниях, о крупной спекуляции, о крупных должностных преступлениях и взяточничестве, о явном дискредитировании власти советскими работниками, дела о злостных дезертирах и укрывателях дезертиров и др.» [19]. Трибунал был также вправе принимать к своему производству и другие дела, если усмотрит в них признаки опасности для государства или существующих в нём порядков. Кассационной инстанцией для ЕРТК являлся Верховный трибунал РСФСР [19]. 24 февраля 1922 года взамен ЕРТК был образован Верховный трибунал при Крым ЦИКе с кассационными и надзорными функциями.

В отчёте Народного комиссариата юстиции Крымской АССР отмечалось, что «условия работы этих трибуналов были весьма плачевны ввиду почти полного отсутствия средств и малой опытности личного состава. Это положение усугублялось голодом и сильно возросшей, ввиду этого, преступности. Тем не менее, работа их протекала весьма интенсивно» [1, с. 346]. При этом нужно добавить, что «вплоть до сентября 1921 года в Крыму не имелось совершенно законодательного материала» [1, с. 346].

Учитывая то обстоятельство, что законодательство Российской империи, по понятным

причинам, в то время уже не действовало, а Уголовный кодекс РСФСР был принят только в 1922 году, ключевыми факторами, определявшими судьбы обвиняемых, выступали «классовый подход» и «революционное правосознание». Это, в свою очередь, объективно придавало деятельности чрезвычайных институций репрессивный характер [22], который, впрочем, мог смягчаться (как отмечалось выше) внутренними директивными предписаниями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деятельность чрезвычайных учреждений Крыма в 1921 году носила, во многом, неоднозначный характер. С одной стороны, такие структуры были необходимы и объективно противодействовали реализации проектов западных держав по дестабилизации ситуации в Крыму и пролонгации

ситуации гражданского противостояния, отрыва Крымского полуострова от большой России, способствовали известной этнополитической стабилизации обстановки в регионе. С другой, их деятельности был присущ классовый подход, что приводило к необдуманной репрессивной политике и неизбежным «перегибам» в работе, усугублявшимся слабой координацией действий и отсутствием жёсткого контроля на первом этапе.

Вместе с тем, опыт функционирования системы чрезвычайных учреждений в Крыму в 1921 году должен быть всесторонне учтён в настоящее время, когда коллективный Запад вновь пытается нагнетать напряжённость в Черноморском бассейне, пытаясь «взять реванш» за крупное геополитическое поражение периода Крымской весны 2014 года [23].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ишин А.В. Проблемы государственного строительства в Крыму в 1917–1922 годах. Симферополь: ИТ «АРИАЛ»; 2012. 384 с.
2. Крымская АССР (1921–1945). Вопросы-ответы / Сост. Ю.И. Горбунов. Симферополь: Таврия. 1990; Вып.3. 320 с.
3. Колонтаев К.В. Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму (ноябрь 1920 г. — октябрь 1921 г.) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. Крым. Ялта. 10-18 ноября 1995: Материалы. Симферополь: Крымский Архив; 1995. С. 60–62.
4. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия; 1997. 352 с.
5. Мона Ж.Н. Развитие сельского хозяйства в Крымской АССР (1920–1940 гг.): особенности, трудности, просчеты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Днепропетровск, 1992. 20 с.
6. Ишин А.В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в Крыму в первой половине 1920-х годов: национальные, идеологические, структурные особенности. *Научный диалог*. 2022;11(3):395-414. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414).
7. Красный Крым. 1927. 18 декабря. Приложение.
8. Очерки по истории Крыма. Часть III: Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.) / Под общ. ред. И.С. Чирвы. Симферополь: Крым. 1964. 222 с.
9. Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый юг. Ноябрь 1919 — ноябрь 1920. Москва: «АИРО-XX»; 1997. 104 с.
10. Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. Москва: Госполитиздат, 1962. 205 с.
11. Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. Москва: Новости; 1990. 832 с.

12. Соничева Н. Е. На чужом берегу (К истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). Москва: Знание; 1991. 64 с.
13. Петров В. Л. Борьба за зміцнення Радянської влади в Криму в 1920–1921 рр. *Український історичний журнал*. 1970;11:128–132.
14. Ишин А. В. Части особого назначения Крымской АССР (1921–1924 гг.). *Общество: философия, история, культура*. 2021;10:30–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.4>.
15. Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й: Краткий исторический очерк. Симферополь: Таврия; 1992. 127 с.
16. Видоменко В. А. Всегда на посту. Орлов Г. С. Тревожные будни: Очерки о чекистах. Симферополь: Таврия; 1987. С. 3–20.
17. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг.: Сборник документов / Под ред. Г. А. Белова, А. Н. Куренкова, А. И. Логиновой и др. Москва: Изд-во политической литературы; 1958. 512 с.
18. Кукель Э. М. Части особого назначения (ЧОН) Украины в борьбе с вооруженной кулацкой контрреволюцией (1920–1924 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Днепропетровск, 1975. 27 с.
19. Красный Крым. 1921. 25 ноября.
20. Ревкомы Крыма: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Л. Д. Солодовник. Симферополь: Крым. 1968. 244 с.
21. Красный Крым. 1921. 10 апреля.
22. Филимонов С. Б. Тайны судебно-следственных дел. Симферополь: Таврия-Плюс; 2000. 128 с.
23. Ишин А. В. О геополитической ситуации в Черноморском регионе: крымский взгляд. *Проблемы постсоветского пространства*. 2016;7(1):38–46.

REFERENCES

1. Ishin A.V. Problems of state building in Crimea in 1917–1922. Simferopol: IT “ARIAL”; 2012. 384 p. (In Russ).
2. Crimean ASSR (1921–1945). Questions and answers / Comp. Yu.I. Gorbunov. Simferopol: Tavria; 1990. Issue 3. 320 p. (In Russ).
3. Kolontaev K.V. Creation and activities of state authorities in Crimea (November 1920 — October 1921) // *Revolution and Civil War of 1917–1920: a new understanding*. Crimea. Yalta. November 10–18, 1995: Materials. Simferopol: Crimean Archive; 1995. P. 60–62. (In Russ).
4. Zarubin A.G., Zarubin V.G. No winners. From the history of the civil war in Crimea. Simferopol: Tavria; 1997. 352 p. (In Russ).
5. Mona J.N. Development of agriculture in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1920–1940): features, difficulties, miscalculations. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Dnepropetrovsk. 1992. 20 p.
6. Ishin A.V. Insurrectionary movement of “white-greens” in Crimea in first half of 1920s: national, ideological, structural features. *Nauchnyi dialog*. 2022;11(3):395–414. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-395-414). (In Russ.).
7. Krasnyy Krym. 1927. December 18. Application. (In Russ.).
8. Essays on the history of Crimea. Part III: Crimea during the period of socialist construction (1921–1941) / Under the general editorship of I.S. Chirva–Simferopol: Crimea; 1964. 222 p. (In Russ.).
9. Ushakov A.I., Fedyuk V.P. White South. November 1919 — November 1920. Moscow: “AIRO-XX”; 1997. 104 p. (In Russ.).
10. Fomin F.T. Notes of an old security officer. Moscow: Gospolitizdat; 1962. 205 p. (In Russ.).
11. Shulgin V.V. Years. Days. 1920 Moscow: News; 1990. 832 p. (In Russ.).

12. Sonicheva N.E. On a foreign shore (On the history of Russian emigration in the post-October period). Moscow: Knowledge; 1991. 64 p. (In Russ.).
13. Petrov V.L. The Struggle for the Strengthening of Soviet Power in the Crimea in 1920–1921. *Ukrayins'kyi istorychnyy zhurnal*. 1970;11:128–132. (In Ukr.).
14. Ishin A.V. Special purpose units of the Crimean ASSR (1921–1924). *Society: Philosophy, History, Culture*. 2021;10:30–35. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.10.4>. (In Russ.).
15. Broshevan V.M., Formanchuk A.A. Crimean Republic: the year 1921: A brief historical sketch. Simferopol: Tavria; 1992. 127 p. (In Russ.).
16. Vidomenko V.A. Always on duty // Orlov G.S. Anxious everyday life: Essays on security officers. Simferopol: Tavria; 1987. P. 3–20. (In Russ.).
17. From the history of the All-Russian Extraordinary Commission. 1917–1921: Collection of documents / Edited by G.A. Belov, A.N. Kurenkov, A.I. Loginova and others. Moscow: Publishing House of Political Literature; 1958. 512 p. (In Russ.).
18. Kukel E.M. Special purpose units (CHON) of Ukraine in the fight against the armed kulak counter-revolution (1920–1924). Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Dnepropetrovsk, 1975. 27 p. (In Russ.).
19. Krasnyy Krym. 1921. November 25. (In Russ.).
20. Revolutionary Committees of Crimea: Collection of documents and materials / Executive editor L.D. Solodovnik. Simferopol: Crimea; 1968. 244 p. (In Russ.).
21. Krasnyy Krym. 1921. April 10. (In Russ.).
22. Filimonov S.B. Secrets of judicial investigation cases. Simferopol: Tavria-Plus; 2000. 128 p. (In Russ.).
23. Ishin A.V. On the geopolitical situation in the Black Sea region: the Crimean view. *Post-Soviet Issues*. 2016;7(1):38–46. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин, Доктор исторических наук, Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия; 295005, Россия, Симферополь, проспект академика Вернадского, д.4; a.ischin@yandex.ru

Andrey V. Ishin, Doctor of Historical Sciences, Institute “Tavrisheskaya academy”, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Vernadsky Prospekt Str., Simferopol, Republic of Crimea, 295007, Russia; a.ischin@yandex.ru